

Руженцев Сергей Евгеньевич

МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

В статье рассматриваются философские аспекты отношений политики и морали. Преобразовательная деятельность превращает любую этическую модель в элемент целерациональной деятельности, имеющей инструментальный характер. Навязывание западных ценностей привело к тому, что моральные идеалы политиков оказались оторваны от запросов общества. Морально-этические ориентиры дают возможность согласовать позиции и осуществлять модернизацию социума. Без них политика вырождается в безнравственные действия, которые лишены социальной ответственности и не могут способствовать справедливости и гармонии интересов в обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 190-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

WORSHIPING ST. ANTHONY OF LEOKHNOVO IN SOURCES OF THE XVIII-XIX CENTURIES

Romanova Anastasiya Anatol'evna, Ph. D. in History
Library of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg
anastasiya_roman@mail.ru

The article examines the written tradition of worshipping Saint Anthony of Leokhnovo – the founder of a monastery near Staraya Russa. The history of worshipping St. Anthony is considered by the material of the biography and its sources, commemoration in church calendars and in the “Lives of Russian Saints”. The author concludes that the biography of Saint Anthony of Leokhnovo was written in the middle of the XVIII century. The considerable amount of manuscript material under study is introduced into scientific use for the first time. The paper provides observations on the specifics of worshipping Old Russian saints in the XVIII century.

Key words and phrases: manuscripts; Russian hagiography; worshipping saints; locally venerated saints; biography of Saint Anthony of Leokhnovo; church calendars; “Lives of Russian Saints”.

УДК 172.1

Философские науки

В статье рассматриваются философские аспекты отношений политики и морали. Преобразовательная деятельность превращает любую этическую модель в элемент целерациональной деятельности, имеющей инструментальный характер. Навязывание западных ценностей привело к тому, что моральные идеалы политиков оказались оторваны от запросов общества. Морально-этические ориентиры дают возможность согласовать позиции и осуществлять модернизацию социума. Без них политика вырождается в безнравственные действия, которые лишены социальной ответственности и не могут способствовать справедливости и гармонии интересов в обществе.

Ключевые слова и фразы: мораль; политика; интересы; социальная ответственность; этические ориентиры; гармония; идеалы; гуманизация.

Руженцев Сергей Евгеньевич, к.и.н., доцент
Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко
rsevrn@gmail.com

МОРАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

Проблемы морального измерения политики на протяжении существования российского государства показывают отсутствие сложившегося и единого нравственного поля. Поставленные цели в сочетании с реальностью всегда требуют согласования интересов, а предпринимаемые действия нуждаются в обретении нравственной опоры. Разрушение единого морального основания неизбежно вызывает преобладание узкогрупповых интересов, ориентированных на максимально разнородную систему ценностей, что порождает в политике не только прагматичный характер действий, но и откровенный аморализм. Как следствие, социальное бытие политики обращается к вполне искажённым ценностным основаниям, создавая большую автономизацию действий политических субъектов от общества. А моральные регуляторы политики ещё сильнее смягчают своё императивное влияние.

С другой стороны, весь ход исторического развития российского общества показывает невозможность абсолютизации кантовского категорического императива в политической практике. Требование его максимы оказывается формальным, поскольку все политические субъекты, руководствующиеся разнородными социально-политическими интересами, должны тогда стремиться к реализации общих моральных установок. Складывается парадоксальная ситуация, что эти субъекты автоматически доверяют и заинтересованы друг в друге. Такая идеализированная предопределённость должна иметь схожие моральные ценности и ориентиры, социальные интересы, устойчивую поддержку правящей элиты со стороны общества, единство представлений всех сторон взаимодействия о добродетелях, справедливости, благе, равенстве и т.п. А это противоречит реальному историческому и политическому процессу, который показывает нам, что этические проблемы обретают острую актуальность в кризисные периоды развития общества, поскольку существующие моральные регуляторы, нормы и правила не могут способствовать достижению стабильности. Возникающий диссонанс между политикой и моралью активизирует поиски обеспечения равновесного состояния социальной практики и этических подходов, позволяя понять и обосновать перспективы общественной эволюции, приемлемые социальные модели.

Гармонизация социальных отношений в российском обществе, когда противопоставляются личность и общество, навязываются западные идеалы и разрушаются традиционные духовные ориентиры, игнорируются моральные нормы, приобретает особую актуальность для сохранения самой российской идентичности и адекватности политической линии. Поскольку мораль обеспечивает условия человеческого общежития, возникает задача обеспечения единства этических требований, норм и социальных оснований. Учитывая, что «актуализация смысла нравственной ценности заключается в добровольном самодеятельном согласовании

чувств, стремлений и действий конкретной личности с чувствами, стремлениями и действиями другого человека и общества в целом» [17, с. 113], возникает потребность в определении смысла и места моральных норм и требований общества по отношению к политике.

Тенденции развития общества и его политической сферы во многом связаны с переоценкой существующих ценностей, испытывающих одновременное воздействие глобальных, либерально-рыночных и модернизационных процессов. Сотрясая прежние этические установки, обеспечивавшие ранее устойчивое социальное взаимодействие, складывается настоятельная необходимость сохранения тех моральных принципов и ориентаций, которые оберегают основы жизнедеятельности человека и социума. Но требуется обязательно учитывать существенное воздействие во взаимоувязке социального и этического тех квазиценностей и антиценностей, которые возникают при принятии определенных политических решений. Ведь современный моральный кризис в политике во многом вызван дезориентацией и внутренним кризисом самого субъекта, устремленного на достижение лишь личных смыслозначимых целей.

Сама социальная реальность постмодернистского общества закладывает в бытие политики воздействие символического производства и использования его идей для саморефлексии как самих политиков, так и конструирования политического пространства. Очевидно, что через выявление тождества политических идей, моральных принципов и предпринимаемых политических действий возможна оценка этической адекватности политической линии потребностям конкретных социальных интересов. Отрыв от общества, как и от моральных ограничителей, неизбежно выводит политических деятелей в пространство оправдания властью любых своих действий и выбор ею произвольных и случайных действий, нарушающих социальную стабильность. Однако политики имеют монопольное право на видение социального мира, которое связано с автономным полем борьбы за власть, оторванным от большинства общества и его интересов, что позволяет им действовать сообразно со своими позициями и представлениями о морали. Такая субъективация делает затруднительным достижение согласия политических субъектов, предоставляя фактически моральные рычаги воздействия на политический мир только обществу. Последнее берёт на себя роль своеобразного арбитра в борьбе политиков за власть и влияние на основе согласия с той или иной позицией. Гражданское сопротивление или поддержка, формирующие социальное согласие с властью и её субъектами, закладывает возможность моральной легитимации конкретной политики, а также большей независимости индивида от решений власти. На этой основе возникает «единство» этических подходов индивидуальных оценок любого политика и общественных предпочтений, превращая политическое действие в акт, который связан и с необходимостью, и с возможностью его совершения согласно избранным средствам, и согласованный с моралью.

Активная преобразовательная деятельность человека превратила любую этическую модель во вспомогательный элемент целерациональной деятельности, когда абсолютные ценности выполняют лишь инструментальный характер. Несомненно, любой человек, как и политический деятель, не может автоматически воспроизводить во всех своих деяниях добродетель и справедливость, которые всегда воспринимались бы одинаково в различных социальных группах. Каждый раз он определяет характер и степень добра и зла, оценки которых связаны с моральным опытом и этическим восприятием общества, формирующихся преимущественно в процессе внутренних, а не внешних усилий. Поэтому навязывание российскому обществу западных либеральных или консервативных ценностей лежит вне рамок нравственной самодостаточности, отражая в этом наше поклонение перед Западом. Оттого беспочвенные моральные идеалы и европейские образцы и нормы, привносимые и насаждаемые извне, не могут не вызывать отторжение. Как замечает С. В. Димитрова, «абсолютизация целерациональности – это такая форма стремления к должному, при которой уничтожается многообразие возможного. Целеполагание – есть, по сути, установление значений, отсекаание иных возможностей, в этом залог успешной целерезализации» [3, с. 208]. В результате складывается такая ситуация, когда в политической деятельности происходит отсекание возможных моральных оснований ради достижения практического результата. Возникает противоречие между моральными требованиями и социальными установками, которое на каждом этапе развития и для каждого поколения имеет своё понимание и видение причин его возникновения и способов разрешения.

Определяя задачу гуманизации политической деятельности, мы неизбежно сталкиваемся с многозначностью проявления добра и зла, оцениваемые и осмысливаемые как этическое отношение, отражающее определённый идеал о наилучшем общественном устройстве, эффективной власти, справедливых условиях существования. Сама диалектичность существования добра и зла позволяет говорить о постоянном моральном выборе действий для политика как в каждой конкретной ситуации, так и на любом этапе общественной эволюции. Это связано с тем, что социальные группы по-разному воспринимают этические ценности, что препятствует определению добра, зла, справедливости, равенства и пр. «в чистом виде». Как отмечалось выше, этические ценности посредством выбора определённой идеологической ориентации оформляются в некую модель идеала, моральных императивов, помогающую в практической деятельности и политической повседневности выявлять соответствие социальной практики с этическими представлениями. Однако противоречивая политическая деятельность не может отвергать требования морали и потребности гуманизации политики. Ведь если люди, как и политические деятели, не будут следовать требованиям морали, то будут подрываться основы социальных отношений.

Либеральные идеи, отражая известные идеалы политики, оказались благодатны для кризисного состояния общества, которое пребывало длительное время в состоянии моральной дезориентации. Для российских либерал-реформаторов любые моральные апелляции к равенству, ответственности, долгу, порядку являются пережитком прошлого. Поэтому их политика в нашей стране оказалась независимой от общепризнанных моральных норм. В эпоху реформ и нестабильного существования государства неизбежно появляются такие

политики, которые пытаются задать собственные моральные принципы действий, не отвечающие интересам и нравственным представлениям большей части общества. Несомненно, этика добродетелей, как классическая форма политической морали, уступает ныне место институциональной под воздействием информационных технологий, которые порождают «безразличие» к морали. Современное общество во многом лишилось согласия, что затрудняет поиск общих идей, моральных принципов и стандартов поведения. Возникают одновременно специфическая свобода выбора и факторы конфликтогенности, которые порождают не только отчуждение отдельного индивида от политики, но и существенную атомизацию общества. Начинает преобладать не строгое соблюдение моральных норм, соотнесение их на рациональных основаниях с публичной властью, а личные предпочтения и эмоции. Поэтому увеличение конфликтов при принятии решений неизбежно обостряет проблему существования и сохранения единой системы ценностей (см.: [13, с. 69]). И поскольку отсутствует интерес к проектам по созданию справедливого общества и существуют серьёзные сомнения относительно возможностей по реализации общего блага, необходимо обретение смыслового содержания информации, обеспечивая взаимосвязь между человеком, моралью и политикой. А это возможно за счёт использования традиционной системы ценностей, ориентированной на духовный и культурный опыт, абсолютизм моральных норм, диалоговый характер общения.

В современном осмыслении политики и деятельности политиков возникает стремление к постмодернистской реконфигурации политического пространства, смысла, взаимодействия. Подобный подход дезориентирует все стороны. Как известно, разрыв с традицией у постмодернизма основан на нечётких понятиях и контекстах, что отражает её релятивизированную систему ценностей и затрудняет обоснование моральных ориентиров, поиск справедливости, всеобщего блага, равенства и пр. Следствием этого становятся отказ от предустановленности норм, необременённость общими метафизическими проблемами, игнорирование фундаментальных ценностей бытия. Для политика создаётся возможность совершать свои действия посредством абсолютизации целерациональной активности, независимой от внешних моральных требований и ограничений.

Серьёзную опасность для развития и совершенствования социальных отношений представляет расплывчатость моральных норм и требований, когда и рядовые граждане, и политики позволяют себе как адаптацию морали к своим действиям, так и уклонение от её соблюдения. Возникает представление о релятивизме человеческих добродетелей. Такая социальная практика противоречит традиционному российскому этическому восприятию государства и власти, призванных поддерживать органическое единство социума и осуществлять идею общего блага. Возникает явное противоречие с западноевропейской традицией солидарности, обеспечиваемой посредством права, регулирующего индивидуальный выбор и получение личного блага. Поэтому следует согласиться с позицией И. Е. Дискаина, считающего, что «...без адекватной этической базы, без сильной мотивации акторов на соблюдение норм, без чётко работающей системы санкций за их нарушение повышение качества институтов труднодостижимо. Их наличие – предпосылка для успешной борьбы с коррупцией, показавшей свою эффективность в развитых странах» [4, с. 163].

Попытка найти в последнее десятилетие соответствующую моральную опору породила внедрение этических кодексов. В условиях преобладания дистрибутивной экономики, предполагающей унитарно-централистский характер власти, возникает опасность проникновения олигархии в политику. Крупные собственники, выходя из системы дистрибутивного распределения, стремятся к неограниченному обогащению с использованием любых возможностей, в том числе коррупционных. Недостаточная эффективность правовых средств регулирования поведения чиновничества во взаимоотношениях с бизнесом вызвала спрос на определённую моральную регуляцию управленческого аппарата. Закладывая требования к профессиональному долгу и выполнения возложенной социальной роли, этические кодексы позволяют регламентировать деятельность людей на основе известных единых правил. Основываясь на выработанных требованиях, они отстаивают требования долга и общего блага, способствуя тем самым положительному воздействию на нравственные принципы граждан и этический прогресс общества. Однако в российских условиях обнаруживается слабая конкретизация требований и правил этического поведения, а также санкций в случае их нарушения. Поскольку не существует никаких гарантий выполнения этических предписаний, особенно при возникновении конфликта интересов. Тем не менее, этические кодексы дают дополнительное моральное регулирование при продолжающейся модернизации страны (см., напр.: [12; 19]).

Как представляется, сложность современного морального транзита российского общества, взаимоотношений морали и политики в заметной степени связана с социальной ответственностью субъектов власти. С одной стороны, можно видеть, что под влиянием массового общества и процессов глобализации возникает возможность коллективной ответственности, отражающейся на масштабах и направленности предпринимаемых действий. С другой стороны, складывается опасная моральная интенция, чтобы отвергнуть индивидуальную ответственность, прикрываясь проблемой риска на основе согласованной или достигнутой договорённости. Следствием такого поведения является не только приспособление к складывающимся социальным условиям, но и отказ от собственной субъектности, что порождает потерю ценностных ориентиров и дисперсию моральных установок. Такой отказ от субъектности, по мнению А. М. Сафина, вызван многочисленностью социальных норм и ценностей, среди которых нет, как правило, устойчивых и доминирующих, которые не воспринимались бы в качестве навязываемых господствующей идеологией (см.: [11, с. 27]). Это затрудняет моральное осознание своих деяний и возможность для любого политика признавать свои ошибки и искать объективные и приемлемые альтернативы. В результате складывается опасность субъективных и авантюрных действий, усиливающихся в ситуации неопределённости, которые потенциально могут быть нацелены на использование крайних методов и средств для достижения цели.

В современном российском обществе для обеспечения влияния морали в политической жизни крайне необходимо ответственное поведение, которое воспринимается и оценивается как справедливое. Ведь оно, отражая отношение политиков к целям и формам деятельности, затрагивает коллективные интересы и согласованные действия. Возникая как отношения партнёрства, соучастия в политическом процессе, ответственность требует соблюдения существующих нормативных и социальных установок и требований. Несомненно, это создаёт потребность добровольного принятия обязанностей и ответственности за свои деяния, понимания их последствий для всего комплекса социальных отношений. Необходимо принимать во внимание, что политическая ответственность имеет конкретное индивидуальное содержание и не может истолковываться абстрактно в любой ситуации. И лишь после определённого инициативного действия, затрагивающего тот или иной аспект бытия, формируется его моральная оценка. Поэтому исполнение ответственности политика, прикрывающегося соображениями иерархического подчинения, долга, дисциплины, есть попытка игнорировать механизмы социального контроля и моральных обязательств перед обществом. Как справедливо отмечает Н. Ф. Шаров, «ответственность... является цементирующим основанием, позволяющим преодолевать... расхождения социальных установок, программ, позиций, которые наблюдаются в разных социальных субъектах» [18, с. 134].

Складывается определённая парадоксальная картина, связанная с расхождением между индивидуалистическим пониманием морали, когда ответственность переводится в конкретное индивидуальное действие политика, способное поставить его над законом, и коллективным способом реализации уже самим обществом предложенной стратегической цели, который может предполагать коллективную ответственность. Несомненно, определяющей является персональная ответственность политика, руководствующегося абстрактным должностованием, притом что коллективная ответственность ставит под сомнение возможности проявления морального долга (см.: [8, с. 119]). Однако личная ответственность политика должна предполагать признание своих действий и себя в качестве причины последовавших событий. Да и моральное регулирование может быть связано не только с внутренней саморегуляцией индивида, но и с внешним воздействием как существующей политической системы, так и социума, на которых также возлагается известная ответственность за артикуляцию своих интересов и ценностно-смысловых предпочтений. И это в большей степени связано с границами ответственности, которые будут регулироваться представлением о долге, справедливости, совести и других этических нормах. Поэтому в отечественной философской мысли проявляется достаточный интерес к проблематике коллективной социальной ответственности (см., напр.: [7; 9]). Ведь без неё невозможно должным образом реагировать на вопросы, связанные с моральным статусом своей группы, всего общества, адекватно оценивать с моральных позиций происходящие события, видеть перспективы российского общества на пути гуманизации и этического развития.

Можно предположить, что без рационального и целенаправленного закрепления определённых и общеприемлемых нравственно-оценочных и морально-этических ориентиров крайне трудно обществу и политикам добиться согласованных позиций и осуществлять модернизационные усилия. Поэтому сомнительно наличие врождённых моральных инстинктов у людей, существование которых отстаивает М. Хаузер (см.: [16]). В политической деятельности определяющими условиями для её согласования с нормами морали выступает проблема соотношения целей и средств, должностования и воздаяния, имеющие очевидный прагматический характер влияния и оценки. Такая практическая целесообразность, обеспечивающая согласование максимального числа социальных ожиданий и потребностей, уже несёт в себе некое морально ответственное действие. Для этого, несомненно, от политика также требуется понимание и правильное восприятие должного и справедливого в трактовке общественного восприятия, чтобы не возникало по нарастающей тенденции противостояния политики и морали.

Как известно, политическая система и государственные структуры несут политическую и моральную ответственность за социальную динамику и модернизацию общества. Но моральная ответственность не может рассматриваться через сугубо технологические и управленческие критерии, ориентированные на узкогрупповую выгоду и исключительно односторонний (например, экономический) успех. В современном обществе возникает возможность и потребность гуманизации как механизмов управления, так и методов властвования, что усиливает значимость этико-моральных аспектов в политике и государственной деятельности. Сама же морально-этическая ответственность в политической сфере, по нашему пониманию, будет определяться:

- 1) через отношения и взаимодействия субъекта политики с другими людьми и всем обществом;
- 2) на основе типичных ситуаций действий политика в рамках общественной жизни;
- 3) в виде определённых и неизменных господствующих представлений о ценностях и установках;
- 4) посредством восприятия обществом мотивов субъектов политической деятельности;
- 5) сформировавшимися представлениями и особенностями восприятия последствий принимаемых властных решений.

Возникающая когерентность политики и морали требует определения должного поступка, который отвечал бы в современных условиях требованиям этики ответственности. Очевидно, что этические принципы являются некими ориентирами для действий политиков и оценок общества, выступая дополнительной основой для поддержки и легитимации власти. Поэтому действия и оценки должны либо согласовываться с существующими нравственными нормами, либо иметь силу всеобщего принципа и влияние равнозначного общезначимому закону. Требования модернизации общества, как и развитие современной цивилизации, усиливают значимость категории ответственности как существенного фактора обеспечения моральности в политике и принятия обязательств за будущее человечества. Такой подход во многом совпадает с позицией Х. Йонаса, чей этический подход допускает возможность рисковать своей собственной жизнью, а не жизнью

человечества (см.: [5]). Х. Йонас склонен к провозглашению новой этики, поскольку прежняя, традиционная, ограничивалась сферой общения между людьми, тогда как в современных условиях основополагающим становится ответственность за существование человечества. По мнению П. А. Гаджикурбановой, возникает «эвристика страха» за будущее человечества, диктующая потребность пересмотра старых этических ценностей. А это требует выработку представлений о возможных последствиях коллективной практики и отказа от действий, угрожающих существованию человечества (см.: [2, с. 167, 169]).

Можно предположить, что Х. Йонас отказывается от антропоцентричной основы гуманистической этики, выдвигая на первые позиции право природы, чтобы обеспечить существование целостного бытия и понимания возможных результатов поставленных целей и задач, которые должны быть максимально свободны от влияния конкретных обстоятельств и идеологических предпочтений. Согласимся с тем, что в складывающихся обстоятельствах действия политика определяются его выбором на основе имеющихся вариантов действий. Сам процесс данного выбора происходит в границах морально-этических оценок и представлений, задающих ответственность за последствия осуществлённого выбора. Проблема может возникать от того, в какой степени политический деятель признаёт свою моральную ответственность за предпринимаемые действия, а также от того, насколько общество вовлечено в реализацию необходимых или субъективно обусловленных лозунгов или шагов.

В российских условиях, когда результаты реформирования вызывают далеко неоднозначную оценку, принцип ответственности как ограничительный фактор волонтаристских устремлений политических деятелей играет заметную роль. Он заставляет коррелировать предпринимаемые шаги со своей совестью, с чувством долга, с коллективными устремлениями и моральными оценками. Этот двуединый характер формирования морального сознания, связанный с индивидуальными и коллективными морально-этическими установками, позволяет обществу воздействовать на своих лидеров, вырабатывая и артикулируя свои универсальные предпочтения. Как отмечает Ю. Хабермас, «к моральной точке зрения мы приближаемся уже тогда, когда начинаем проверять наши максимы с максимами других людей» [15, с. 14]. При этом необходимо учитывать российскую цивилизационную особенность, связанную с тем, что государство всегда воспринималось как нечто единое с обществом, обеспечивающим общественное согласие. В условиях социальных преобразований, когда оказалась разрушенной патерналистская модель отношений общества и власти, а партнёрская так и не сложилась, формирование конфронтационных взаимодействий между моралью и политикой способно подрвать моральную легитимацию любого режима и модернизационного курса. Иначе говоря, возникает потребность осуществить переориентацию на этическую модель соединения общества и власти, которая обеспечит реализацию этических идеалов в новых условиях, хотя бы с прагматических позиций. Ю. Хабермас, отмечая сложность социального регулирования, констатирует, что «в морально-практических дискурсах нормативные заповеди должны быть испытаны не только с точки зрения их значимости и уместности, но и в свете их соответствия настроениям людей» [Там же, с. 28]. Поэтому можно будет смело указать, чем более будет эффективна политическая деятельность с точки зрения интересов большинства общества, тем меньше возникает потребность в манипулировании общественным сознанием и в моральном обосновании проводимой политики.

Тем самым ряд необходимых условий, имеющих характер должного и выраженных в форме моральных норм, обеспечивают проявление моральной свободы политика и одновременно определённые границы действий. И поскольку поступок должен соотноситься с интересами большинства, его представлениями о добре и зле, существующими моральными нормами, складываются устремления общества защитить свои нравственные установления посредством различных традиций. Ведь в политической сфере традиция принимает на себя роль гаранта стабильности и порядка, способного защищать известные моральные ориентиры и установки.

Характер и особенности российского реформирования последних десятилетий, которые вызывали и продолжают вызывать заслуженную критику, только усиливают запрос на морально-этические ориентиры. Борьба капитализма с этическими нормами, посредством их постоянного пересмотра, разрушения традиционных ценностей ради экономического процветания и сиюминутной выгоды вызвала к жизни идею «третьего пути», которую предложил Э. Гидденс, а из российских исследователей поддерживает Н. Г. Федотова. Можно предположить, что Э. Гидденс в своих рассуждениях о «третьем пути» пытается найти такую модель развития между либеральным и марксистским идеологическими проектами, которая обеспечивала бы реализацию социальной справедливости при сохранении государства всеобщего благоденствия (см.: [20, р. 24]). Ведь индивидуализированное и потребительское общество неизбежно дегуманизируется, что делает актуальным в политике моральные ориентиры и требования. Но попытки внедрить корпоративную мораль не могут не подрывать моральное единство и солидарность всего общества. Расслоение общества и подрыв этических устоев превращаются в главные угрозы, вызывающие резкий диссонанс между политикой и моралью, а значит и между властью и обществом.

Очевидно, что модернизационные процессы оказывают сильное воздействие на существующие моральные установки и предпринимаемые политические шаги. Однако опасность безоглядной погони за прибылью, отказа от этических регуляторов, игнорирование правовых норм подрывает цели любой модернизации (см.: [14, с. 492]). Сама низкая моральная сущность современного капитализма, прибегающего к разрушительному и аморальному использованию свобод, требует укрепления этических ориентиров в политике на основе этики справедливости и этики ответственности.

Морально-этические суждения о политике заставляют последнюю хотя бы в некоторой степени корректировать свои действия сообразно некой «истинной» добродетели. Оценке подвергаются конкретные действия политических акторов и их последствия, вызывающие в обществе и общественном сознании определённую ответную реакцию. Поэтому без активного общества сложно реализовать гуманистические установки

для самой власти. При этом мы не можем утверждать о возможности достижения идеала политического развития, поскольку это означало бы складывание приемлемого для всех социального положения и согласования существующих интересов. Исчезновение же альтернатив развития вызвало бы полную моральную дезориентацию общества, а политика оказывалась сосредоточенной на консервации сложившихся политических институтов и социальных отношений. Очевидно, что необходим универсальный институт содействия и поддержки при принятии и реализации политических решений, который обеспечивал бы в российских условиях воздействие морали на власть, влиял на выработку общенациональной идеи (идеологии), обуславливая стратегию развития страны. Согласимся с мнением В. С. Мартьянова и Л. Г. Фишмана, что в сложившихся условиях «...закономерным следствием слабой легитимности элит становится активный поиск “национальной идеологии” и “базовых ценностей” общества» [6, с. 242]. Да и без стабильного социально-экономического положения трудно преодолеть преобладание моральной индифферентности или морального релятивизма. Но российское общество ещё сохраняет неприятие к аморализму, что приводит к периодическому стремлению отдельных политиков искать основания для «договорённости» с ним, усиливая тем самым значимость морально-этических и гуманистических ориентиров и возможность реализации на практике этики ответственности. Только на такой основе можно будет избежать системных рисков, обеспечивая социальную справедливость и реализацию принципов гуманизма.

Как видим, мораль, затрагивая проблемы отношения к окружающим людям и социуму и ответственности за свои деяния, даёт возможность для согласования интересов власти (политика) и общества на основе общепринятых этических представлений и требований. Последние формируют между ними определённые взаимные обязательства, обеспечивающие поддержку стабильности социальной системы. С точки зрения Г. Г. Водолазова, мораль даёт ориентиры общественного развития, решая на каждом этапе проблему соотношения общественного и личного, то есть политики и нравственности. Сама эволюция общества каждый раз подтверждает значимость моральных норм в деятельности любого политика, который вынужден обращаться к моральным аргументам как одному из важных способов поддержания своего авторитета. Понимание объективного характера расхождения агентов власти и моральных требований предоставляет вероятность ухода от модели противостояния и развития за счёт другого и нахождения компромисса на основаниях со-развития, сближающих нравственность с политикой (см.: [1, с. 797-798]).

Признавая несовершенство нашего общества, мы с неизбежностью задумываемся о перспективах развития его этической составляющей и ответственности за проводимый социальный курс. Сама политическая линия в современных условиях требует не игнорирования морали, а ориентации на этическую модель в принятии решений и их осуществлении. Без защиты нравственных императивов и ценностей политика легко вырождается в некие безнравственные действия, которые не могут способствовать достижению в обществе подлинной и приемлемой свободы, справедливости, гармонии интересов, всеобщего блага. Исторический опыт реформирования российского общества показал, что западные образцы и нормы мало подходят российскому менталитету. А насаждаемые либеральные и консервативные заимствования откровенно «паразитируют» на традиционных нравственных ценностях в силу сомнительности в реализации их моральных идеалов и возможности обеспечения реального гуманизма человеческого бытия. На наш взгляд, моральным ориентиром в политике для обеспечения ответственности за принимаемые решения должно являться стремление к минимизации в реальных сложившихся условиях масштабов и степени принуждения и насилия, которое может воздействовать и изменять не только политическую культуру людей, но и совершенствовать общественные отношения в гуманистическом направлении.

Список литературы

1. **Водолазов Г. Г.** Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы. М.: Культурная революция, 2006. 864 с.
2. **Гаджикурбанова П. А.** Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Г. Йонаса // *Этическая мысль*. М., 2003. Вып. 4. С. 161-178.
3. **Димитрова С. В.** Действия и поступки современного человека (аксиологический аспект рассмотрения) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право»*. 2013. № 23. Вып. 26. С. 205-215.
4. **Дискин И. Е.** Кризис... И всё же модернизация! М.: Европа, 2009. 264 с.
5. **Йонас Х.** Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
6. **Мартьянов В. С., Фишман Л. Г.** Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь Мир, 2010. 256 с.
7. **Платонова А. В.** На пути к концепции коллективной ответственности: проблемы и перспективы // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013. № 5. С. 129-134.
8. **Платонова А. В., Кашкин Д. О.** Заместительные нравственные переживания в дискурсе о коллективной нравственной ответственности // *Вестник науки Сибири*. 2015. № 1. С. 118-125.
9. **Прокофьев А. В.** О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // *Вопросы философии*. 2004. № 7. С. 73-85.
10. **Руженцев С. Е.** Возможности морального поведения в политике // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология»*. 2015. № 2. С. 108-112.
11. **Сафин А. М.** Онтология ошибки в социальном контексте // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 13. С. 26-28.
12. **Сафонов К. Б.** Этические кодексы: проблемы создания и применения // *Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология»*. 2013. Вып. 1 (13). С. 54-57.

13. Сафонова Е. А. Основные аспекты исследования трансформации политических отношений в условиях постмодерности // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2014. № 1. С. 66-70.
14. Федотова Н. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
15. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: АО «КАМИ», 1995. 252 с.
16. Хаузер М. Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. 639 с.
17. Чурекова Т. М., Москаленко И. В. К вопросу о дефиниции нравственных ценностей и оснований для их выделения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2. С. 112-116.
18. Шаров Н. Ф. Ответственность как социальная проблема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 133-138.
19. Шуралева С. В., Ваньков А. В. Систематизация этических правил поведения государственных гражданских служащих в российском и международном праве // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2012. Вып. 1 (15). С. 192-201.
20. Giddens A. The Third Way and Its Critics. Cambridge: Polity Press, 2000. 200 p.

MORAL IDEALS AND SOCIAL RESPONSIBILITY IN POLITICS

Ruzhentsev Sergei Evgen'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko
rsevrn@gmail.com

The article deals with the philosophical aspects of relations between politics and morals. Transforming activity changes any ethical model into an element of the purposeful-rational action of instrumental nature. The obtrusion of western values has led to the fact that the moral ideals of politicians are out of touch with the demands of the society. Moral and ethical guidelines make it possible to coordinate positions and to modernize the society. Without them politics degenerates into immoral activities, which do not have social responsibility and cannot promote justice and harmony of interests in the society.

Key words and phrases: morality; politics; interests; social responsibility; ethical guidelines; harmony; ideals; humanization.

УДК 13

Философские науки

В статье автор характеризует предпосылки постановки и исследования проблемы биоинтеллектосферы. В качестве таковых он рассматривает эволюцию философских представлений о разуме как инструменте познания и преобразования человеком окружающего мира, категории, отражающей этическую оценку его поступков. Отмечается, что в условиях актуализации экологических проблем и необходимости разработки стратегии рационального социоприродного развития представления о творческой роли человеческого разума требуют своего дальнейшего концептуального осмысления.

Ключевые слова и фразы: антропобиотоп; антропосимбиоз; антропоцентризм; биоинтеллектосфера; биосфероцентризм; ноосфера; разум.

Смирнов Сергей Владимирович, к. филос. н.

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
sunstability@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТАНОВКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ БИОИНТЕЛЛЕКТОСФЕРЫ

В условиях актуализации экологической проблематики разработка теории и методологии рационализации социоприродных отношений становится одной из важных задач, от характера решения которой зависит будущее цивилизации.

В данном отношении особое значение приобретает обращение к философскому знанию, анализ которого позволяет выявить эволюцию представлений о человеке как разумном существе, способном к рациональному познанию и преобразованию окружающего мира.

Рассмотрим историю и специфику концептуализации рационалистических традиций в мировой философии.

Представления о Разуме как важнейшем природном качестве человека начинают формироваться уже в условиях становления восточной философии. Так, в Древней Индии идея разума легла в основу кастового деления общества. Здесь же были разработаны своеобразные концепции разума, наиболее полно представленные в йоге категорией «читта». Читта – это и совокупность способностей ума, выражающих отдельные состояния духовной жизни человека, и комплекс индивидуального сознания. «Для практических целей читта – это то, что мы называем нашей мыслью» [6, с. 328].

В буддизме рационалистические идеи выражает одно из его течений – виджнянавада – философия сознания. Философия сознания предполагает, что единственной реальностью в мире является разум как особое состояние объективного духа предшествующее всему сущему [2, с. 27].